

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

♦ ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ ♦

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МЕЩЕРЯКОВА

Книги Александра Беляева

Александр Беляев

Голова профессора Доуэля

«ИД Мещерякова»

1937

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Беляев А. Р.

Голова профессора Доуэля / А. Р. Беляев — «ИД Мещерякова»,
1937 — (Книги Александра Беляева)

ISBN 978-5-00108-360-3

За закрытыми дверями лаборатории профессор Керн возвращает к жизни своего наставника, правда не всего, а... только его голову. Керну крайне необходимо сохранить острый ум профессора Доуэля. В помощницы Керн берёт юную Мари Лоран. Завязав дружеские отношения с головой Доуэля, девушка узнаёт подоплёку научной работы хирурга с профессором. С этого момента она мечтает раскрыть преступление Керна. Удастся ли Мари развенчать его краденую славу?

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00108-360-3

© Беляев А. Р., 1937

© ИД Мещерякова, 1937

Содержание

Первая встреча	6
Тайна запретного крана	10
Голова заговорила	13
Смерть или убийство?	18
Жертвы большого города	22
Новые обитатели лаборатории	24
Головы развлекаются	27
Небо и земля	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Романович Беляев

Голова профессора Доуэля

Серия «Книги Александра Беляева»

© А. В. Проценко, иллюстрации, 2019

© ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2019

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА

Посвящаю эссе моей Маргарите Константиновне Беляевой

Первая встреча

– Прошу садиться.

Мари Лоран опустилась в глубокое кожаное кресло.

Пока профессор Керн вскрывал конверт и читал письмо, она бегло осмотрела кабинет.

Какая мрачная комната! Но заниматься здесь хорошо: ничто не отвлекает внимания. Лампа с глухим абажуром освещает только письменный стол, заваленный книгами, рукописями, корректурными оттисками. Глаз едва различает солидную мебель чёрного дуба. Тёмные обои, тёмное драпри. В полумраке поблёскивает только золото тиснёных переплёттов в тяжёлых шкафах. Длинный маятник старинных стенных часов движется размеренно и плавно.

Переведя взгляд на Керна, Лоран невольно улыбнулась: профессор целиком соответствовал стилю кабинета. Будто вырубленная из дуба, тяжеловесная, суровая фигура Керна казалась частью мебелировки. Большие очки в черепаховой оправе напоминали два циферблата часов. Как маятники, двигались его глаза серо-пепельного цвета, переходя со строки на строку письма. Прямоугольный нос, прямой разрез глаз, рта и квадратный, выдающийся вперёд подбородок придавали лицу вид стилизованной декоративной маски, вылепленной скульптором-кубистом.

«Камин украшать такой маской», – подумала Лоран.

– Коллега Сабатье говорил уже о вас. Да, мне нужна помощница. Вы медичка? Отлично. Сорок франков в день. Расчёт еженедельный. Завтрак, обед. Но я ставлю одно условие...

Побарабанив сухим пальцем по столу, профессор Керн задал неожиданный вопрос:

– Вы умеете молчать? Все женщины болтливы. Вы женщина – это плохо. Вы красивы – это ещё хуже.

– Но какое отношение...

– Самое близкое. Красивая женщина – женщина вдвойне. Значит, вдвойне обладает и женскими недостатками. У вас может быть муж, друг, жених. И тогда все тайны к чёрту.

– Но...

– Никаких «но»! Вы должны быть немы как рыба. Вы должны молчать обо всём, что увидите и услышите здесь. Принимаете это условие? Должен предупредить: неисполнение повлечёт за собой крайне неприятные для вас последствия. Крайне неприятные.

Лоран была смущена и заинтересована:

– Я согласна, если во всём этом нет...

– Преступления, хотите вы сказать? Можете быть совершенно спокойны. И вам не грозит никакая ответственность... Ваши нервы в порядке?

– Я здорова...

Профессор Керн кивнул головой.

– Алкоголиков, неврастеников, эпилептиков, сумасшедших не было в роду?

– Нет.

Керн ещё раз кивнул головой.

Его сухой, острый палец впился в кнопку электрического звонка.

Дверь бесшумно открылась.

В полумраке комнаты, как на проявляемой фотографической пластинке, Лоран увидела только белки глаз, затем постепенно проявились блики лоснящегося лица негра. Чёрные волосы и костюм сливались с тёмным драпри двери.

– Джон! Покажите мадемуазель Лоран лабораторию.

Негр кивнул головой, предлагая следовать за собой, и открыл вторую дверь.

Лоран вошла в совершенно тёмную комнату.

Щёлкнул выключатель, и яркий свет четырёх матовых полушарий залил комнату. Лоран невольно прикрыла глаза. После полумрака мрачного кабинета белизна стен ослепляла... Сверкали стёкла шкафов с блестящими хирургическими инструментами. Холодным светом горели сталь и алюминий незнакомых Лоран аппаратов. Тёплыми жёлтыми бликами ложился свет на медные полированные части. Трубы, змеевики, колбы, стеклянные цилиндры... Стекло, каучук, металл...

Посреди комнаты – большой прозекторский стол. Рядом со столом – стеклянный ящик; в нём пульсировало человеческое сердце. От сердца шли трубки к баллонам.

Лоран повернула голову в сторону и вдруг увидала нечто заставившее её вздрогнуть, как от электрического удара.

На неё смотрела человеческая голова – одна голова без туловища.

Она была прикреплена к квадратной стеклянной доске. Доску поддерживали четыре высокие блестящие металлические ножки. От перерезанных артерий и вен через отверстия в стекле шли, соединившись уже попарно, трубки к баллонам. Более толстая трубка выходила из горла и сообщалась с большим цилиндром. Цилиндр и баллоны были снабжены кранами, манометрами, термометрами и неизвестными Лоран приборами.

Голова внимательно и скорбно смотрела на Лоран, мигая веками. Не могло быть сомнения: голова жила, отделённая от тела, самостоятельной и сознательной жизнью.

Несмотря на потрясающее впечатление, Лоран не могла не заметить, что эта голова удивительно похожа на голову недавно умершего известного учёного-хирурга профессора Доуэля, прославившегося своими опытами оживления органов, вырезанных из свежего трупа. Лоран не раз была на его блестящих публичных лекциях, и ей хорошо запомнился этот высокий лоб, характерный профиль, волнистые, посеребрённые сединой густые русые волосы, голубые глаза... Да, это была голова профессора Доуэля. Только губы и нос его стали тоньше, виски и щёки втянулись, глаза глубже запали в орбиты и белая кожа приобрела жёлто-тёмный оттенок мумии. Но в глазах была жизнь, была мысль.

Лоран как зачарованная не могла оторвать взгляда от этих голубых глаз.

Голова беззвучно шевельнула губами.

Это было слишком для нервов Лоран. Она была близка к обмороку. Негр поддержал её и вывел из лаборатории.

– Это ужасно, это ужасно... – повторяла Лоран, опустившись в кресло. Профессор Керн молча барабанил пальцами по столу.

– Скажите, неужели это голова?..

– Профессора Доуэля? Да, это его голова. Голова Доуэля, моего умершего уважаемого коллеги, возвращённая мною к жизни. К сожалению, я мог воскресить одну голову. Не всё даётся сразу. Бедный Доуэль страдал неизлечимым пока недугом. Умирая, он завещал своё тело для научных опытов, которые мы вели с ним вместе. «Вся моя жизнь была посвящена науке. Пусть же науке послужит и моя смерть. Я предпочитаю, чтобы в моём трупе копался друг-учёный, а не могильный червь», – вот какое завещание оставил профессор Доуэль. И я получил его тело. Мне удалось не только оживить его сердце, но и воскресить сознание, воскресить «душу», говоря языком толпы. Что же тут ужасного? Люди считали до сих пор ужасной смерть. Разве воскресение из мёртвых не было тысячелетней мечтой человечества?

– Я бы предпочла смерть такому воскресению.

Профессор Керн сделал неопределённый жест рукой:

– Да, оно имеет свои неудобства для воскресшего. Бедному Доуэлю было бы неудобно показаться публике в таком... неполном виде. Вот почему мы обставляем тайной этот опыт. Я говорю «мы», потому что таково желание самого Доуэля. Притом опыт ещё не доведён до конца.

– А как профессор Доуэль, то есть его голова, выразил это желание? Голова может говорить?

Профессор Керн на мгновение смутился.

– Нет... голова профессора Доуэля не говорит. Но она слышит, понимает и может отвечать мимикой лица...

И чтобы перевести разговор на другую тему, профессор Керн спросил:

– Итак, вы принимаете моё предложение? Отлично. Я жду вас завтра к девяти утра. Но помните: молчание, молчание и молчание.

Тайна запретного крана

Мари Лоран нелегко давалась жизнь. Ей было семнадцать лет, когда умер её отец. На плечи Мари легла забота о больной матери. Небольших средств, оставшихся после отца, хватило ненадолго, приходилось учиться и поддерживать семью. Несколько лет она работала ночным корректором в газете. Получив звание врача, тщетно пыталась найти место. Было предложение ехать в гиблые места Новой Гвинеи, где свирепствовала жёлтая лихорадка. Ни ехать туда с больной матерью, ни разлучаться с нею Мари не хотела. Предложение профессора Керна явилось для неё выходом из положения.

Несмотря на всю странность работы, она согласилась почти без колебания.

Лоран не знала, что профессор Керн, прежде чем принять её, наводил о ней тщательные справки.

Уже две недели она работала у Керна. Обязанности её были несложны. Она должна была в продолжение дня следить за аппаратами, поддерживавшими жизнь головы. Ночью её сменял Джон.

Профессор Керн объяснил ей, как нужно обращаться с кранами у баллонов. Указав на большой цилиндр, от которого шла толстая трубка к горлу головы, Керн строжайше запретил ей открывать кран цилиндра.

– Если повернуть кран, голова будет немедленно убита. Как-нибудь я объясню вам всю систему питания головы и назначение этого цилиндра. Пока вам довольно знать, как обращаться с аппаратами.

С обещанными объяснениями Керн, однако, не спешил.

В одну из ноздрей головы был глубоко вставлен маленький термометр. В определённые часы нужно было вынимать его и записывать температуру. Термометрами же и манометрами были снабжены и баллоны. Лоран следила за температурой жидкостей и давлением в баллонах. Хорошо отрегулированные аппараты не доставляли хлопот, действуя с точностью часового механизма. Особой чувствительности прибор, приставленный к виску головы, отмечал пульсацию, механически вычерчивая кривую. Через сутки лента сменялась. Содержимое баллонов пополнялось в отсутствие Лоран, до её прихода.

Мари постепенно привыкла к голове и даже сдружилась с нею.

Когда Лоран утром входила в лабораторию с порозовевшими от ходьбы и свежего воздуха щеками, голова слабо улыбалась ей и веки её дрожали в знак приветствия.

Голова не могла говорить. Но между нею и Лоран скоро установился условный язык, хотя и очень ограниченный. Опускание головою век означало «да», поднятие вверх – «нет». Несколько помогали и беззвучно шевелящиеся губы.

– Как вы сегодня чувствуете себя? – спрашивала Лоран.

Голова улыбалась «тенью улыбки» и опускала веки: «Хорошо, благодарю».

– Как провели ночь?

Та же мимика.

Задавая вопросы, Лоран проворно исполняла утренние обязанности. Проверила аппараты, температуру, пульс. Сделала записи в журнале. Затем с величайшей осторожностью обмыла водой со спиртом лицо головы при помощи мягкой губки, вытерла гигроскопической ватой ушные раковины. Сняла клочок ваты, повисший на ресницах. Промыла глаза, уши, нос, рот, – в рот и нос для этого вводились особые трубки. Привела в порядок волосы.

Руки её проворно и ловко касались головы. На лице головы было выражение довольства.

– Сегодня чудесный день, – говорила Лоран. – Синее-синее небо. Чистый морозный воздух. Так и хочется дышать всей грудью. Смотрите, как ярко светит солнце, совсем по-весеннему.

Углы губ профессора Доуэля печально опустились. Глаза с тоской глянули в окно и остановились на Лоран.

Она покраснела от лёгкой досады на себя. С инстинктом чуткой женщины Лоран избегала говорить обо всём, что было недостижимо для головы и могло лишней раз напомнить об убожестве её физического существования.

Мари испытывала какую-то материнскую жалость к голове, как к беспомощному, обиженному природой ребёнку.

– Ну-с, давайте заниматься! – поспешно сказала Лоран, чтобы поправить ошибку.

По утрам, до прихода профессора Керна, голова занималась чтением. Лоран приносила ворох последних медицинских журналов и книг и показывала их голове. Голова просматривала. На нужной статье шевелила бровями. Лоран клала журнал на пюпитр, и голова погружалась в чтение. Лоран привыкла, следя за глазами головы, угадывать, какую строчку голова читает, и вовремя переворачивать страницы.

Когда нужно было на полях сделать отметку, голова делала знак, и Лоран проводила пальцем по строчкам, следя за глазами головы и отмечая карандашом черту на полях.

Для чего голова заставляла делать отметки на полях, Лоран не понимала, при помощи же их бедного мимического языка не надеялась получить разъяснение и потому не спрашивала.

Но однажды, проходя через кабинет профессора Керна в его отсутствие, она увидела на письменном столе журналы со сделанными ею по указанию головы отметками. А на листе бумаги рукой профессора Керна были переписаны отмеченные места. Это заставило Лоран задуматься.

Вспомнив сейчас об этом, Мари не удержалась от вопроса. Может быть, голове удастся как-нибудь ответить.

– Скажите, зачем мы отмечаем некоторые места в научных статьях?

На лице профессора Доуэля появилось выражение неудовольствия и нетерпения. Голова выразительно посмотрела на Лоран, потом на кран, от которого шла трубка к горлу головы, и два раза подняла брови. Это означало просьбу. Лоран поняла, что голова хочет, чтобы открыли этот запретный кран. Уже не в первый раз голова обращалась к ней с такой просьбой. Но Лоран объясняла желание головы по-своему: голова, очевидно, хочет покончить со своим безотрадным существованием. И Лоран не решалась открыть запретный кран. Она не хотела быть повинной в смерти головы, боялась и ответственности, боялась потерять место.

– Нет, нет, – со страхом ответила Лоран на просьбу головы. – Если я открою этот кран, вы умрёте. Я не хочу, не могу, не смею убивать вас.

От нетерпения и сознания бессилия по лицу головы прошла судорога.

Три раза она энергично поднимала вверх веки и глаза...

«Нет, нет, нет. Я не умру!» – так поняла Лоран. Она колебалась.

Голова стала беззвучно шевелить губами, и Лоран показалось, что губы пытаются сказать: «Откройте. Откройте. Умоляю!..»

Любопытство Лоран было возбуждено до крайней степени. Она чувствовала, что здесь скрывается какая-то тайна.

В глазах головы светилась безграничная тоска. Глаза просили, умоляли, требовали. казалось, вся сила человеческой мысли, всё напряжение воли сосредоточились в этом взгляде.

Лоран решилась.

Её сердце сильно билось, рука дрожала, когда она осторожно приоткрывала кран.

Тотчас из горла головы послышалось шипение. Лоран услышала слабый, глухой, надтреснутый голос, дребезжащий и шипящий, как испорченный граммофон:

– Бла-го-да-рю... вас...

Запретный кран пропускал сжатый в цилиндре воздух. Проходя через горло головы, воздух приводил в движение горловые связки, и голова получала возможность говорить. Мышцы

горла и связки не могли уже работать нормально: воздух с шипением проходил через горло и тогда, когда голова не говорила. А рассечение нервных стволов в области шеи нарушало нормальную работу мышц голосовых связок и придавало голосу глухой, дребезжащий тембр.

Лицо головы выражало удовлетворение.

Но в этот момент слышались шаги из кабинета и звук открываемого замка (дверь лаборатории всегда закрывалась ключом со стороны кабинета). Лоран едва успела закрыть кран. Шипение в горле головы прекратилось.

Вошёл профессор Керн.

Голова заговорила

С тех пор как Лоран открыла тайну запретного крана, прошло около недели.

За это время между Лоран и головой установились ещё более дружеские отношения. В те часы, когда профессор Керн уходил в университет или клинику, Лоран открывала кран, направляя в горло головы небольшую струю воздуха, чтобы голова могла говорить внятными шёпотом. Тихо говорила и Лоран. Они опасались, чтобы негр не услышал их разговора.

На голову профессора Доуэля их разговоры, видимо, хорошо действовали. Глаза стали живее, и даже скорбные морщины меж бровей разгладились.

Голова говорила много и охотно, как бы вознаграждая себя за время вынужденного молчания.

Прошлую ночь Лоран видела во сне голову профессора Доуэля и, проснувшись, подумала: «Видит ли сны голова Доуэля?»

– Сны... – тихо прошептала голова. – Да, я вижу сны. И я не знаю, чего больше они доставляют мне: горя или радости. Я вижу себя во сне здоровым, полным сил и просыпаюсь вдвойне обездоленным. Обездоленным и физически и морально. Ведь я лишён всего, что доступно живым людям. И только способность мыслить оставлена мне. «Я мыслю. Следовательно, я существую», – с горькой улыбкой процитировала голова слова философа Декарта. – Существую...

– Что же вы видите во сне?

– Я никогда ещё не видал себя в моём теперешнем виде. Я вижу себя таким, каким был когда-то... вижу родных, друзей... Недавно видал покойную жену и переживал с нею весну нашей любви. Бетти когда-то обратилась ко мне как пациентка, повредив ногу при выходе из автомобиля. Первое наше знакомство было в моём приёмном кабинете. Мы как-то сразу сблизились с нею. После четвёртого визита я предложил ей посмотреть лежащий на письменном столе портрет моей невесты. «Я женюсь на ней, если получу её согласие», – сказал я. Она подошла к столу и увидела на нём небольшое зеркало; взглянув на него, она рассмеялась и сказала: «Я думаю... она не откажется». Через неделю она была моей женой. Эта сцена недавно пронеслась передо мной во сне... Бетти умерла здесь, в Париже. Вы знаете, я приехал сюда из Америки как хирург во время европейской войны. Мне предложили здесь кафедру, и я остался, чтобы жить возле дорогой могилы. Моя жена была удивительная женщина...

Лицо головы просветлело от воспоминаний, но тотчас омрачилось.

– Как бесконечно далеко это время!

Голова задумалась. Воздух тихо шипел в горле.

– Прошлой ночью я видел во сне моего сына. Я очень хотел бы посмотреть на него ещё раз. Но не смею подвергнуть его этому испытанию... Для него я умер.

– Он взрослый? Где он находится сейчас?

– Да, взрослый. Он почти одних лет с вами или немного старше. Кончил университет. В настоящее время должен находиться в Англии, у своей тётки по матери. Нет, лучше бы не видеть снов. Но меня, – продолжала голова, помолчав, – мучают не только сны. Наяву меня мучают ложные чувства. Как это ни странно, иногда мне кажется, что я чувствую своё тело. Мне вдруг захочется вздохнуть полной грудью, потянуться, расправить широко руки, как это делает засидевшийся человек. А иногда я ощущаю подагрическую боль в левой ноге. Не правда ли, смешно? Хотя как врачу это должно быть вам понятно. Боль так реальна, что я невольно опускаю глаза вниз и, конечно, сквозь стекло вижу под собою пустое пространство, каменные плиты пола... По временам мне кажется, что сейчас начнётся припадок удушья, и тогда я почти доволен своим «посмертным существованием», избавляющим меня по крайней мере

от астмы... Всё это чисто рефлекторная деятельность мозговых клеток, связанных когда-то с жизнью тела...

– Ужасно!.. – не удержалась Лоран.

– Да, ужасно... Странно, при жизни мне казалось, что я жил одной работой мысли. Я, право, как-то не замечал своего тела, весь погружённый в научные занятия. И только потеряв тело, я почувствовал, чего я лишился. Теперь, как никогда за всю мою жизнь, я думаю о запахах цветов, душистого сена где-нибудь на опушке леса, о дальних прогулках пешком, шуме морского прибоя... Мною не утеряны обоняние, осязание и прочие чувства, но я отрезан от всего многообразия мира ощущений. Запах сена хорош на поле, когда он связан с тысячью других ощущений: и с запахом леса, и с красотой догорающей зари, и с песнями лесных птиц. Искусственные запахи не могли бы мне заменить натуральных. Запах духов «Роза» вместо цветка? Это так же мало удовлетворило бы меня, как голодного запах паштета без паштета. Утратив тело, я утратил мир – весь необъятный, прекрасный мир вещей, которых я не замечал, вещей, которые можно взять, потрогать и в то же время почувствовать своё тело, себя. О, я бы охотно отдал моё химерическое существование за одну радость почувствовать в своей руке тяжесть простого булыжника! Если бы вы знали, какое удовольствие доставляет мне прикосновение губки, когда вы по утрам умываете мне лицо. Ведь осязание – это единственная для меня возможность почувствовать себя в мире реальных вещей... Всё, что я могу сделать сам, это прикоснуться кончиком моего языка к краю моих пересохших губ.

В тот вечер Лоран явилась домой рассеянной и взволнованной. Старушка мать по обыкновению приготовила ей чай с холодной закуской, но Мари не притронулась к бутербродам, наскоро выпила стакан чаю с лимоном и поднялась, чтобы идти в свою комнату. Внимательные глаза матери остановились на ней.

– Ты чем-то расстроена, Мари? – спросила старушка. – Быть может, неприятности на службе?

– Нет, ничего, мама, просто устала и голова болит... Я лягу пораньше, и всё пройдёт.

Мать не задержала её, вздохнула и, оставшись одна, задумалась.

С тех пор как Мари поступила на службу, она очень изменилась. Стала нервная, замкнутая. Мать и дочь всегда были большими друзьями. Между ними не было тайн. И вот теперь появилась тайна. Старушка Лоран чувствовала, что её дочь что-то скрывает. На вопросы матери о службе Мари отвечала очень кратко и неопределённо.

– У профессора Керна имеется лечебница на дому для особенно интересных в медицинском отношении больных. И я ухаживаю за ними.

– Какие же это больные?

– Разные. Есть очень тяжёлые случаи... – Мари хмурилась и переводила разговор на другие темы.

Старушку не удовлетворяли эти ответы. И она начала даже наводить справки стороной, но ей ничего не удалось узнать, кроме того, что уже было известно от дочери.

«Уж не влюблена ли она в Керна, и, быть может, безнадежно, без ответа с его стороны?..» – думала старушка. Но тут же опровергала себя: её дочь не скрыла бы от неё своего чувства. И потом, разве Мари не хорошенькая? А Керн холостяк. И если бы только Мари любила его, то, конечно, и Керн не устоял бы. Другой такой Мари не найти во всём свете. Нет, тут что-то другое. И старушка долго не могла заснуть, ворочаясь на высоко взбитых перинах.

Не спала и Мари. Погасив свет, чтобы мать её думала, что она уже спит, Мари сидела на кровати с широко раскрытыми глазами. Она вспоминала каждое слово головы и старалась вообразить себя на её месте: тихонько касалась языком своих губ, нёба, зубов и думала:

«Это всё, что может делать голова. Можно прикусить губы, кончик языка. Можно шевелить бровями. Ворочать глазами. Закрывать, открывать их. Рот и глаза. Больше ни одного движения. Нет, ещё можно немного шевелить кожей на лбу. И больше ничего...»

Мари закрывала и открывала глаза и делала гримасы. О, если бы в этот момент мать посмотрела на неё! Старушка решила бы, что её дочь сошла с ума.

Потом вдруг Мари начала хватать свои плечи, колени, руки, гладила себя по груди, запускала пальцы в густые волосы и шептала:

– Боже мой! Как я счастлива! Как много я имею! Какая я богатая! И я не знала, не чувствовала этого!

Усталость молодого тела брала своё. Глаза Мари невольно закрылись. И тогда она увидела голову Доуэля. Голова смотрела на неё внимательно и скорбно. Голова срывалась со своего столика и летала по воздуху. Мари бежала впереди головы. Керн, как коршун, бросался на голову. Извилистые коридоры... Тугие двери... Мари спешила открыть их, но двери не поддавались, и Керн нагонял голову, голова свистела, шипела уже возле уха... Мари чувствовала, что она задыхается. Сердце колотится в груди, его учащённые удары болезненно отзываются во всём теле. Холодная дрожь пробегает по спине... Она открывает всё новые и новые двери... О, какой ужас!..

- Мари! Мари! Что с тобой! Да проснись же, Мари! Ты стонешь...
Это уже не сон. Мать стоит у изголовья и с тревогой гладит её волосы.
– Ничего, мама. Я просто видела скверный сон.
– Ты слишком часто стала видеть скверные сны, дитя моё...

Старушка уходит вздыхая, а Мари ещё несколько времени лежит с открытыми глазами и сильно бьющимся сердцем.

– Однако нервы мои становятся никуда не годными, – тихо шепчет она и на этот раз засыпает крепким сном.

Смерть или убийство?

Однажды, просматривая перед сном медицинские журналы, Лоран прочла статью профессора Керна о новых научных исследованиях. В этой статье Керн ссылался на работы других учёных в той же области. Все эти выдержки были взяты из научных журналов и книг и в точности совпадали с теми, которые Лоран по указанию головы подчёркивала во время их утренних занятий.

На другой день, как только представилась возможность поговорить с головой, Лоран спросила:

– Чем занимается профессор Керн в лаборатории в моё отсутствие?

После некоторого колебания голова ответила:

– Мы с ним продолжаем научные работы.

– Значит, и все эти отметки вы делаете для него? Но вам известно, что вашу работу он публикует от своего имени?

– Я догадывался.

– Но это возмутительно! Как вы допускаете это?

– Что же я могу поделать?

– Если не можете вы, то смогу сделать я! – гневно воскликнула Лоран.

– Тихе... Напрасно... Было бы смешно в моём положении иметь претензии на авторские права. Деньги? На что они мне? Слава? Что может дать мне слава?.. И потом... если всё это откроется, работа не будет доведена до конца. А в том, чтобы она была доведена до конца, я сам заинтересован. Признаться, мне хочется видеть результаты моих трудов.

Лоран задумалась.

– Да, такой человек, как Керн, способен на всё, – тихо проговорила она. – Профессор Керн говорил мне, когда я поступила к нему на службу, что вы умерли от неизлечимой болезни и сами завещали своё тело для научных работ. Это правда?

– Мне трудно говорить об этом. Я могу ошибиться. Это правда, но, может быть... не всё правда. Мы работали вместе с ним над оживлением человеческих органов, взятых от свежего трупа. Керн был моим ассистентом. Конечной целью моих трудов в то время я ставил оживление отсечённой от тела головы человека. Мною была закончена вся подготовительная работа. Мы уже оживляли головы животных, но решили не оглашать наших успехов до тех пор, пока нам не удастся оживить и продемонстрировать человеческую голову. Перед этим последним опытом, в успехе которого я не сомневался, я передал Керну рукопись со всей проделанной мной научной работой для подготовки к печати. Одновременно мы работали над другой научной проблемой, которая также была близка к разрешению. В это время со мной случился ужасный припадок астмы – одной из болезней, которую я как учёный пытался победить. Между мной и ею шла давняя борьба. Весь вопрос был во времени: кто из нас первый выйдет победителем? Я знал, что победа может остаться на её стороне. И я действительно завещал своё тело для анатомических работ, хотя и не ожидал, что именно моя голова будет оживлена. Так вот... во время этого последнего припадка Керн был около меня и оказывал мне медицинскую помощь. Он впрыснул мне адреналин. Может быть... доза была слишком велика, а может быть, и астма сделала своё дело.

– Ну, а потом?

– Асфиксия (удушьё), короткая агония – и смерть, которая для меня была только потерей сознания... А потом я пережил довольно странные переходные состояния. Сознание очень медленно начало возвращаться ко мне. Мне кажется, моё сознание было пробуждено острым чувством боли в области шеи. Боль постепенно затихала. В то время я не понял, что это значит. Когда мы с Керном делали опыты оживления собачьих голов, отсечённых от тела, мы обратили

внимание на то, что собаки испытывают чрезвычайно острую боль после пробуждения. Голова собаки билась на блюде с такой силой, что иногда из кровеносных сосудов выпадали трубки, по которым подавалась питательная жидкость. Тогда я предложил анестезировать место среза. Чтобы оно не подсыхало и не подвергалось воздействию бактерий, шея собаки погружалась в особый раствор Ринген-Локк-Доуэль. Этот раствор содержит и питательные, и антисептические, и анестезирующие вещества. В такую жидкость и был погружён срез моей шеи. Без этой предохранительной меры я мог бы умереть вторично очень быстро после пробуждения, как умирали головы собак в наших первых опытах. Но, повторяю, в тот момент обо всём этом я не думал. Всё было смутно, как будто кто-нибудь разбудил меня после сильного опьянения, когда действие алкоголя ещё не прошло. Но в моём мозгу всё же затеплилась радостная мысль, что если сознание, хоть и смутное, вернулось ко мне, то, значит, я не умер. Ещё не открывая глаз, я раздумывал над странностью последнего припадка. Обыкновенно припадки астмы обрывались у меня внезапно. Иногда интенсивность одышки ослабевала постепенно. Но я ещё никогда не терял сознания после припадка. Это было что-то новое. Новым было также ощущение сильной боли в области шеи. И ещё одна странность: мне казалось, что я совсем не дышал, а вместе с тем не испытывал удушья. Я попробовал вздохнуть, но не мог. Больше того, я потерял ощущение своей груди. Я не мог расширить грудную клетку, хотя усиленно, как мне казалось, напрягал свои грудные мышцы. «Что-то странное, – думал я, – или я сплю, или грежу...» С трудом мне удалось открыть глаза. Темнота. В ушах смутный шум. Я опять закрыл глаза... Вы знаете, что когда человек умирает, то органы его чувств угасают не одновременно. Сначала человек теряет чувство вкуса, потом гаснет его зрение, потом слух. По-видимому, в обратном порядке шло и их восстановление. Через некоторое время я снова поднял свои веки и увидел мутный свет. Как будто я опустился в воду на очень большую глубину. Потом зеленоватая мгла начала расходиться, и я смутно различил перед собою лицо Керна и в то же время услышал уже довольно отчётливо его голос: «Пришли в себя? Очень рад вас видеть вновь живым». Усилием воли я заставил моё сознание проясниться скорее. Я посмотрел вниз и увидел прямо под подбородком стол – в то время этого столика ещё не было, а был простой стол, вроде кухонного, наскоро приспособленный Керном для опыта. Хотел оглянуться назад, но не мог повернуть голову. Рядом с этим столом, повыше его, помещался второй стол – прозекторский. На этом столе лежал чей-то обезглавленный труп. Я посмотрел на него, и труп показался мне странно знакомым, несмотря на то, что он не имел головы и его грудная клетка была вскрыта. Тут же рядом в стеклянном ящике билось чьё-то человеческое сердце... Я с недоумением посмотрел на Керна. Я ещё никак не мог понять, почему я не вижу своего тела. Хотел протянуть руку, но не ощутил её. «В чём дело?..» – хотел я спросить у Керна и только беззвучно шевельнул губами. А он смотрел на меня и улыбался. «Не узнаете? – спросил он меня, кивнув по направлению к прозекторскому столу. – Это ваше тело. Теперь вы навсегда избавились от астмы». Он ещё мог шутить!.. И я понял всё. Сознаюсь, в первую минуту я хотел кричать, сорваться со столика, убить себя и Керна... Нет, совсем не так. Я знал умом, что должен был сердиться, кричать, возмущаться и в то же время был поражён ледяным спокойствием, которое владело мною. Быть может, я и возмущался, но как-то глядя на себя и на мир со стороны. В моей психике произошли сдвиги. Я только нахмурился и... молчал. Мог ли я волноваться так, как волновался раньше, если теперь моё сердце билось в стеклянном сосуде, а новым сердцем был мотор?

Лоран с ужасом смотрела на голову.

– И после этого... после этого вы продолжаете с ним работать. Если бы не он, вы победили бы астму и были бы теперь здоровым человеком... Он вор и убийца, и вы помогаете ему вознестись на вершину славы. Вы работаете на него. Он, как паразит, питается вашей мозговой деятельностью, он сделал из вашей головы какой-то аккумулятор творческой мысли и зарабатывает на этом деньги и славу. А вы!.. Что даёт он вам? Какова ваша жизнь?.. Вы лишены

всего. Вы несчастный обрубок, в котором, на вашей горе, ещё живут желания. Весь мир украл у вас Керн. Простите меня, но я не понимаю вас. И неужели вы покорно, безропотно работаете на него?

Голова улыбнулась печальной улыбкой.

– Бунт головы? Это эффективно. Что же я мог сделать? Ведь я лишён даже последней человеческой возможности: покончить с собой.

– Но вы могли отказаться работать с ним!

– Если хотите, я прошёл через это. Но мой бунт не был вызван тем, что Керн пользуется моим мыслительным аппаратом. В конце концов какое значение имеет имя автора? Важно, чтобы идея вошла в мир и сделала своё дело. Я бунтовал только потому, что мне тяжело было привыкнуть к моему новому существованию. Я предпочитал смерть жизни... Я расскажу вам один случай, происшедший со мной в то время. Как-то я был в лаборатории один. Вдруг в окно влетел большой чёрный жук. Откуда он мог появиться в центре громадного города? Не знаю. Может быть, его завезло авто, возвращающееся из загородной поездки. Жук покружился надо мной и сел на стеклянную доску моего столика, рядом со мной. Я скосил глаза и следил за этим отвратительным насекомым, не имея возможности сбросить его. Лапки жука скользили по стеклу, и он, шурша суставами, медленно приближался к моей голове. Не знаю, поймёте ли вы меня... Я чувствовал всегда какую-то особую брезгливость, чувство отвращения к таким насекомым. Я никогда не мог заставить себя дотронуться до них пальцем. И вот я был бессилён даже перед этим ничтожным врагом. А для него моя голова была только удобным трамплином для взлёта. И он продолжал медленно приближаться, шурша ножками. После некоторых усилий ему удалось зацепиться за волосы бороды. Он долго барахтался, запутавшись в волосах, но упорно поднимался всё выше. Так он прополз по сжатым губам, по левой стороне носа, через прикрытый левый глаз, пока наконец, добравшись до лба, не упал на стекло, а оттуда на пол. Пустой случай. Но он произвёл на меня потрясающее впечатление... И когда пришёл профессор Керн, я категорически отказался продолжать с ним научные работы. Я знал, что он не решится публично продемонстрировать мою голову. Без пользы же не станет держать у себя голову, которая может явиться уликой против него. И он убьёт меня. Таков был мой расчёт. Между нами завязалась борьба. Он прибег к довольно жёстким мерам. Однажды поздно вечером он вошёл ко мне с электрическим аппаратом, приставил к моим вискам электроды и, ещё не пуская тока, обратился с речью. Он стоял, скрестив руки на груди, и говорил очень ласковым, мягким тоном, как настоящий инквизитор. «Дорогой коллега, – начал он. – Мы здесь одни, с глазу на глаз, за толстыми каменными стенами. Впрочем, если бы они были и тоньше, это не меняет дела, так как вы не можете кричать. Вы вполне в моей власти. Я могу причинить вам самые ужасные пытки и останусь безнаказанным. Но зачем пытки? Мы с вами оба учёные и можем понять друг друга. Я знаю, вам нелегко живётся, но это не моя вина. Вы мне нужны, и я не могу освободить вас от тягостной жизни, а сами вы не в состоянии сбежать от меня даже в небытие. Так не лучше ли нам покончить дело миром? Вы будете продолжать наши научные занятия...» Я отрицательно повёл бровями, и губы мои бесшумно прошептали: «Нет!» – «Вы очень огорчаете меня. Не хотите ли папироску? Я знаю, что вы не можете испытывать полного удовольствия, так как у вас нет лёгких, через которые никотин мог бы всосаться в кровь, но всё же знакомые ощущения...» И он, вынув из портсигара две папиросы, одну закурил сам, а другую вставил мне в рот. С каким удовольствием я выплюнул эту папироску! «Ну хорошо, коллега, – сказал он тем же вежливым, невозмутимым голосом, – вы принуждаете меня прибегнуть к мерам воздействия...» И он пустил электрический ток. Как будто раскалённый бурав пронизал мой мозг... «Как вы себя чувствуете? – заботливо спросил он меня, точно врач пациента. – Голова болит? Может быть, вы хотите излечить её? Для этого вам стоит только...» – «Нет!» – отвечали мои губы. «Очень, очень жаль. Придётся немного усилить ток. Вы очень огорчаете меня». – И он пустил такой сильный ток, что мне казалось, голова моя воспламеняется. Боль

была невыносимая. Я скрипел зубами. Сознание моё мутилось. Как я хотел потерять его! Но, к сожалению, не терял. Я только закрыл глаза и сжал губы. Керн курил, пуская мне дым в лицо, и продолжал поджаривать мою голову на медленном огне. Он уже не убеждал меня. И когда я приоткрыл глаза, то увидел, что он взбешён моим упорством. «Чёрт побери! Если бы ваши мозги мне не были так нужны, я зажарил бы их и сегодня же накормил бы ими своего пинчера. Фу, упрямец!» И он бесцеремонно сорвал с моей головы все провода и удалился. Однако мне ещё рано было радоваться. Скоро он вернулся и начал впускать в растворы, питающие мою голову, раздражающие вещества, которые вызывали у меня сильнейшие мучительные боли. И когда я невольно морщился, он спрашивал меня: «Так как, коллега, вы решаете? Всё ещё нет?» Я был непоколебим. Он ушёл ещё более взбешённый, осыпая меня тысячью проклятий. Я торжествовал победу. Несколько дней Керн не появлялся в лаборатории, и со дня на день я ожидал избавительницы-смерти. На пятый день он пришёл как ни в чём не бывало, весело насвистывая песенку. Не глядя на меня, он стал продолжать работу. Дня два или три я наблюдал за ним, не принимая в ней участия. Но работа не могла не интересовать меня. И когда он, производя опыты, сделал несколько ошибок, которые могли погубить результаты всех наших усилий, я не утерпел и сделал ему знак. «Давно бы так!» – проговорил он с довольной улыбкой и пустил воздух через моё горло. Я объяснил ему ошибки и с тех пор продолжаю руководить работой... Он перехитрил меня.

Жертвы большого города

С тех пор как Лоран узнала тайну головы, она возненавидела Керна. И это чувство росло с каждым днём. Она засыпала с этим чувством и просыпалась с ним. Она в страшных кошмарах видела Керна во сне. Она была прямо больна ненавистью. В последнее время при встречах с Керном она едва удерживалась, чтобы не бросить ему в лицо: «Убийца!»

Она держалась с ним натянуто и холодно.

– Керн – чудовищный преступник! – восклицала Мари, оставшись наедине с головой. – Я донесу на него... Я буду кричать о его преступлении, не успокоюсь, пока не развенчаю этой краденой славы, не раскрою всех его злодеяний. Я себя не пощажу.

– Тише!.. Успокойтесь, – уговаривал Доуэль. – Я уже говорил вам, что во мне нет чувства мести. Но если ваше нравственное чувство возмущено и жаждет возмездия, я не буду отговаривать вас... только не спешите. Я прошу вас подождать до конца наших опытов. Ведь и я нуждаюсь сейчас в Керне, как и он во мне. Он без меня не может окончить труд, но также и я без него. А ведь это всё, что мне осталось. Большого мне не создать, но начатые работы должны быть окончены.

В кабинете послышались шаги.

Лоран быстро закрыла кран и уселась с книжкой в руке, всё ещё возмущённая. Голова Доуэля опустила веки, как человек, погружённый в дремоту.

Вошёл профессор Керн.

Он подозрительно посмотрел на Лоран:

– В чём дело? Вы чем-то расстроены? Всё в порядке?

– Нет... ничего... всё в порядке... семейные неприятности...

– Дайте ваш пульс...

Лоран неохотно протянула руку.

– Бьётся учащённо... Нервы пошаливают... Для нервных, пожалуй, это тяжёлая работа.

Но я вами доволен. Я удваиваю вам вознаграждение.

– Мне не нужно, благодарю вас.

– «Мне не нужно». Кому же не нужны деньги? Ведь у вас семья.

Лоран ничего не ответила.

– Вот что. Надо сделать кое-какие приготовления. Голову профессора Доуэля мы поместим в комнату за лабораторией... Временно, коллега, временно. Вы не спите? – обратился он к голове. – А сюда завтра привезут два свеженьких трупа, и мы изготовим из них пару хорошо говорящих голов и продемонстрируем их в научном обществе. Пора обнародовать наше открытие.

И Керн снова испытующе посмотрел на Лоран.

Чтобы раньше времени не обнаружить всей силы своей неприязни, Лоран заставила себя принять равнодушный вид и поспешила задать вопрос, первый из пришедших ей в голову:

– Чьи трупы будут привезены?

– Я не знаю, и никто этого не знает. Потому что сейчас это ещё не трупы, а живые и здоровые люди. Здоровее нас с вами. Это я могу сказать с уверенностью. Мне нужны головы абсолютно здоровых людей. Но завтра их ожидает смерть. А через час, не позже, после этого они будут здесь, на прозекторском столе. Я уж позабочусь об этом.

Лоран, которая ожидала от профессора Керна всего, посмотрела на него таким испуганным взглядом, что он на мгновение смешался, а потом громко рассмеялся.

– Нет ничего проще. Я заказал пару свеженьких трупов в морге. Дело, видите ли, в том, что город, этот современный молох, требует ежедневных человеческих жертв. Каждый день с непреложностью законов природы в городе гибнет от уличного движения несколько человек,

не считая несчастных случаев на заводах, фабриках, постройках. Ну и вот эти обречённые, жизнерадостные, полные сил и здоровья люди сегодня спокойно уснут, не зная, что их ожидает завтра. Завтра утром они встанут и, весело напевая, будут одеваться, чтобы идти, как они будут думать, на работу, а на самом деле – навстречу своей неизбежной смерти. В то же время в другом конце города, так же беззаботно напевая, будет одеваться их невольный палач: шофёр или вагоновожатый. Потом жертва выйдет из своей квартиры, палач выедет из противоположного конца города из своего гаража или трамвайного парка. Преодолевая поток уличного движения, они упорно будут приближаться друг к другу, не зная друг друга, до самой роковой точки пересечения их путей. Потом на одно короткое мгновение кто-то из них зазеваётся – и готово. На статистических счётах, отмечающих число жертв уличного движения, прибавится одна косточка. Тысячи случайностей должны привести их к этой фатальной точке пересечения. И тем не менее всё это неуклонно совершится с точностью часового механизма, сдвигающего на мгновение в одну плоскость две часовые стрелки, идущие с различной скоростью.

Никогда ещё профессор Керн не был так разговорчив с Лоран. И откуда у него эта неожиданная щедрость? «Я удваиваю вам вознаграждение...»

«Он хочет задобрить, купить меня, – подумала Лоран. – Он, кажется, подозревает, что я догадываюсь или даже знаю о многом. Но ему не удастся купить меня».

Новые обитатели лаборатории

Наутро на прозекторском столе лаборатории профессора Керна действительно лежали два свежих трупа.

Две новые головы, предназначенные для публичной демонстрации, не должны были знать о существовании головы профессора Доуэля. И потому она была предусмотрительно перемещена профессором Керном в смежную комнату.

Мужской труп принадлежал рабочему лет тридцати, погибшему в потоке уличного движения. Его могучее тело было раздавлено. В полуоткрытых остекленевших глазах замер испуг.

Профессор Керн, Лоран и Джон в белых халатах работали над трупами.

– Было ещё несколько трупов, – говорил профессор Керн. – Один рабочий упал с лесов. Забраковал. У него могло быть повреждение мозга от сотрясения. Забраковал я и несколько самоубийц, отравившихся ядами. Вот этот парень оказался подходящим. Да вот эта ещё... ночная красавица.

Он кивком головы указал на труп женщины с красивым, но увядшим лицом. На лице сохранились ещё следы румян и гримировального карандаша. Лицо было спокойно. Только приподнятые брови и полуоткрытый рот выражали какое-то детское удивление.

– Певичка из бара. Была убита наповал шальной пулей во время ссоры пьяных апашей. Прямо в сердце – видите? Нарочно так не попадётся.

Профессор Керн работал быстро и уверенно. Головы были отделены от тела, трупы унесены.

Ещё несколько минут – и головы были помещены на высокие столики. В горло, в вены и сонные артерии введены трубки.

Профессор Керн находился в приятно-возбуждённом состоянии. Приближался момент его торжества. В успехе он не сомневался.

На предстоящую демонстрацию и доклад профессора Керна в научном обществе были приглашены светила науки. Пресса, руководимая умелой рукой, помещала предварительные статьи, в которых превозносила научный гений профессора Керна. Журналы помещали его портреты. Выступлению Керна с его изумительным опытом оживления мёртвых человеческих голов придавали значение торжества национальной науки.

Весело посвистывая, профессор Керн вымыл руки, закурил сигару и самодовольно посмотрел на стоящие перед ним головы.

– Хе-хе! На блюдо попала голова не только Иоанна, но и самой Саломеи. Недурная будет встреча. Остаётся только открыть кран и... мёртвые оживут. Ну что же, мадемуазель? Оживляйте. Откройте все три крана. В этом большом цилиндре содержится сжатый воздух, а не яд, хе-хе...

Для Лоран это давно не было новостью. Но она, по бессознательной почти хитрости, не подала и виду.

Керн нахмурился, сделался вдруг серьёзным. Подойдя вплотную к Лоран, он, отчеканивая каждое слово, сказал:

– Но у профессора Доуэля прошу воздушного крана не открывать. У него... повреждены голосовые связки и...

Поймав недоверчивый взгляд Лоран, он раздражённо добавил:

– Как бы то ни было... я запрещаю вам. Будьте послушны, если не хотите навлечь на себя крупные неприятности.

И, повеселев опять, он протяжно пропел на мотив оперы «Паяцы»:

– Итак, мы начинаем!

Лоран открыла краны.

Первой стала подавать признаки жизни голова рабочего. Едва заметно дрогнули веки. Зрачки стали прозрачны.

– Циркуляция есть. Всё идёт хорошо...

Вдруг глаза головы изменили своё направление, повернулись к свету окна. Медленно возвращалось сознание.

– Живёт! – весело крикнул Керн. – Дайте сильнее воздушную струю.

Лоран открыла кран больше.

Воздух засвистал в горле.

– Что это?.. Где я?.. – невнятно произнесла голова.

– В больнице, друг мой, – сказал Керн.

– В больнице?.. – голова повела глазами, опустила их вниз и увидела под собой пустое пространство.

– А где же мои ноги? Где мои руки? Где моё тело?

– Его нет, голубчик. Оно разбито вдребезги. Только голова и уцелела, а туловище пришлось отрезать.

– Как это отрезать? Ну нет, я не согласен. Какая же это операция? Куда я годен такой? Одной головой куска хлеба не заработаешь. Мне руки надо. Без рук, без ног на работу никто не возьмёт... Выйдешь из больницы... Тьфу! И выйти-то не на чем. Как же теперь? Пить-есть надо. Больницы-то наши знаю я. Подержите маленько, да и выгоните: вылечили. Нет, я не согласен, – твердил он.

Его выговор, широкое, загорелое, веснушчатое лицо, причёска, наивный взгляд голубых глаз – всё обличало в нём деревенского жителя.

Нужда оторвала его от родимых полей, город растерзал молодое здоровое тело.

– Может, хоть пособие какое выйдет?.. А где тот?.. – вдруг вспомнил он, и глаза его расширились.

– Кто?

– Да тот... что наехал на меня... Тут трамвай, тут другой, тут автомобиль, а он прямо на меня...

– Не беспокойтесь. Он получит своё. Номер грузовика записан: четыре тысячи семьсот одиннадцатый, если вас это интересует. Как вас зовут? – спросил профессор Керн.

– Меня? Тома звали. Тома Буш, вот оно как.

– Так вот что, Тома... Вы не будете ни в чём нуждаться, и не будете страдать ни от голода, ни от холода, ни от жажды. Вас не выкинут на улицу, не беспокойтесь.

– Что ж, даром кормить будете или на ярмарках за деньги показывать?

– Показывать покажем, только не на ярмарках. Учёным покажем. Ну, а теперь отдохните. – И, посмотрев на голову женщины, Керн озабоченно заметил: – Что-то Саломея заставляет себя долго ждать.

– Это что ж, тоже голова без тела? – спросила голова Тома.

– Как видите, чтоб вам скучно не было, мы позаботились пригласить в компанию барышню... Закройте, Лоран, его воздушный кран, чтобы не мешал своей болтовнёй.

Керн вынул из ноздрей головы женщины термометр.

– Температура выше трупной, но ещё низка. Оживление идёт медленно...

Время шло. Голова женщины не оживала. Профессор Керн начал волноваться. Он ходил по лаборатории, посматривал на часы, и каждый его шаг по каменному полу звонко отдавался в большой комнате.

Голова Тома с недоумением смотрела на него и беззвучно шевелила губами.

Наконец Керн подошёл к голове женщины и внимательно осмотрел стеклянные трубочки, которыми оканчивались каучуковые трубки, введённые в сонные артерии.

– Вот где причина. Эта трубка входит слишком свободно, и поэтому циркуляция идёт медленно. Дайте трубку шире.

Керн заменил трубку, и через несколько минут голова ожила.

Голова Брике – так звали женщину – реагировала более бурно на своё оживление. Когда она окончательно пришла в себя и заговорила, то стала хрипло кричать, умоляла лучше убить её, но не оставлять таким уродом.

– Ах, ах, ах!.. Моё тело... моё бедное тело!.. Что вы сделали со мной? Спасите меня или убейте. Я не могу жить без тела!.. Дайте мне хоть посмотреть на него... нет, нет, не надо. Оно без головы... Какой ужас!.. Какой ужас!..

Когда она немного успокоилась, то сказала:

– Вы говорите, что оживили меня. Я малообразованна, но я знаю, что голова не может жить без тела. Что это, чудо или колдовство?

– Ни то, ни другое. Это достижение науки.

– Если ваша наука способна творить такие чудеса, то она должна уметь делать и другие. Приставьте мне другое тело. Осёл Жорж продырявил меня пулей... Но ведь немало девушек пускают себе пулю в лоб. Отрежьте их тело и приставьте к моей голове. Только раньше покажите мне. Надо выбрать красивое тело. А так я не могу... Женщина без тела. Это хуже, чем мужчина без головы, – и, обратившись к Лоран, она попросила: – Будьте добры дать мне зеркало.

Глядя в зеркало, Брике долго и серьёзно изучала себя.

– Ужасно!.. Можно вас попросить поправить мне волосы? Я не могу сама сделать себе причёску...

– У вас, Лоран, работы прибавилось, – усмехнулся Керн. – Соответственно будет увеличено и ваше вознаграждение. Мне пора.

Он посмотрел на часы и, подойдя близко к Лоран, шепнул:

– В их присутствии, – он показал глазами на головы, – ни слова о голове профессора Доуэля!..

Когда Керн вышел из лаборатории, Лоран пошла навестить голову профессора Доуэля.

Глаза Доуэля смотрели на неё грустно. Печальная улыбка кривила губы.

– Бедный мой, бедный... – прошептала Лоран. – Но вы скоро будете отомщены!

Голова сделала знак. Лоран открыла воздушный кран.

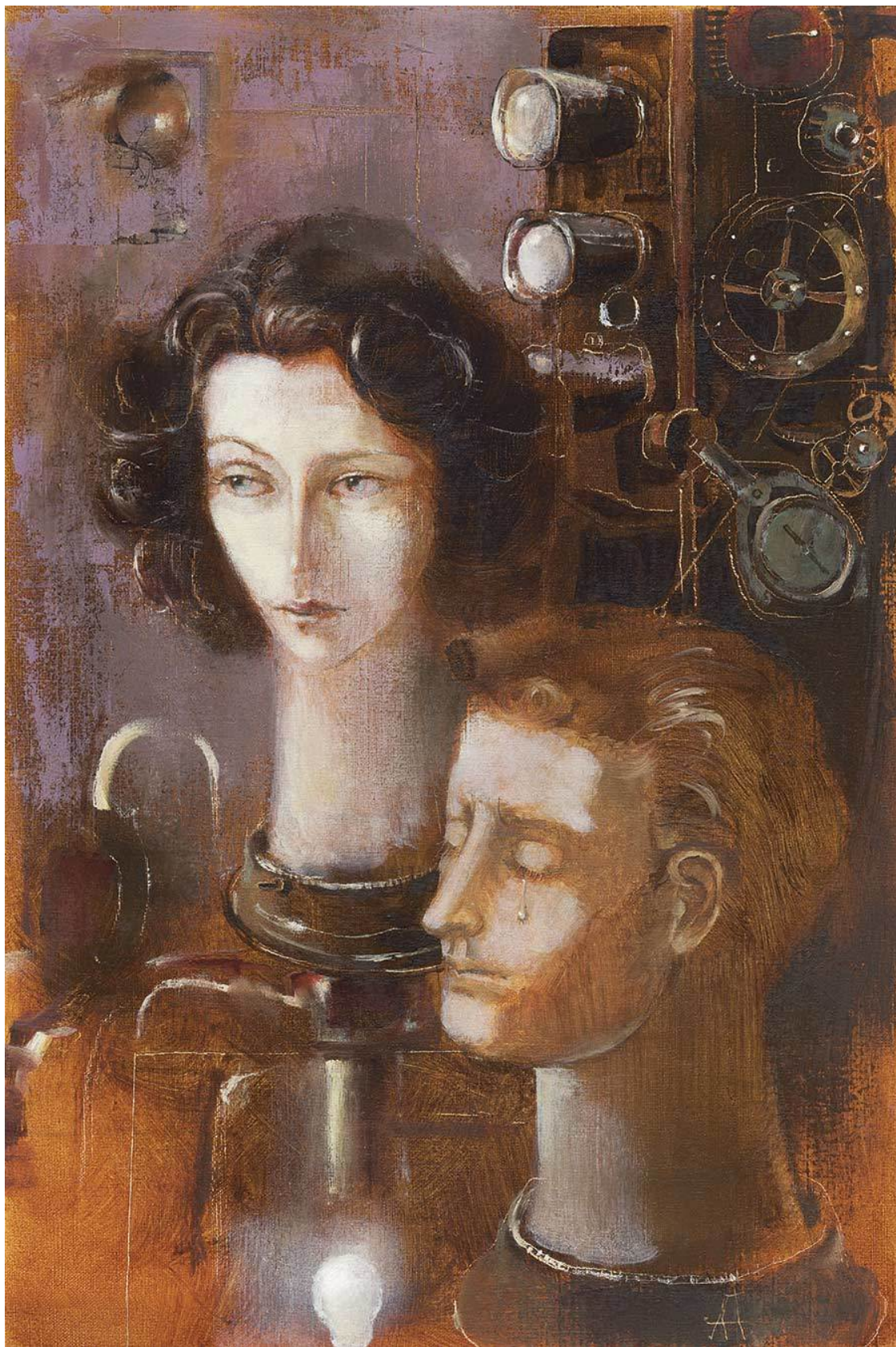
– Вы лучше расскажите, как прошёл опыт, – прошипела голова, слабо улыбаясь.

Головы развлекаются

Головам Тома и Брике ещё труднее было привыкнуть к своему новому существованию, чем голове Доуэля. Его мозг занимался сейчас теми же научными работами, которые интересовали его и раньше. Тома и Брике были простые, и без тела жить им не было смысла. Немудрено, что они очень скоро затосковали.

– Разве это жизнь? – жаловался Тома. – Торчишь как пень. Все стены до дыр проглядел...

Угнетённое настроение «пленников науки», как шутя называл их Керн, очень озлобило его. Головы могли захиреть от тоски прежде, чем настанет день их демонстрации.

И профессор Керн всячески старался развлекать их.
Он достал киноаппарат, и Лоран с Джоном вечерами устраивали кинематографические сеансы. Экраном служила белая стена лаборатории.

Голове Тома особенно нравились комические картины с участием Чарли Чаплина и Монти Бэнкса. Глядя на их проделки, Тома забывал на время о своём убогом существовании. Из его горла даже вырывалось нечто похожее на смех, а на глаза навёртывались слёзы.

Но вот отпрыгал Бэнкс, и на белой стене комнаты появилось изображение фермы. Маленькая девочка кормит цыплят. Хохлатая курица хлопотливо угощает своих птенцов. На фоне коровника молодая здоровая женщина доит корову, отгоняя локтем телёнка, который тычет мордой в вымя. Пробежала лохматая собака, весело махая хвостом, и вслед за нею показался фермер. Он вёл на поводу лошадь.

Тома как-то прохрипел необычайно высоким, фальшивым голосом и вдруг крикнул:

– Не надо! Не надо!..

Джон, хлопотавший около аппарата, не сразу понял, в чём дело.

– Прекратите демонстрацию! – крикнула Лоран и поспешила включить свет. Побледневшее изображение ещё мелькало некоторое время и наконец исчезло. Джон остановил работу проекционного аппарата.

Лоран посмотрела на Тома. На глазах его виднелись слёзы, но это уже не были слёзы смеха. Всё его пухлое лицо собралось в гримасу как у обиженного ребёнка, рот скривился.

– Как у нас... в деревне... – хныча, произнёс он. – Корова... курочка... Пропало, всё теперь пропало...

У аппарата уже хлопотала Лоран. Скоро свет был погашен, и на белой стене замелькали тени. Гарольд Ллойд улепётывал от преследовавших его полисменов. Но настроение у Тома было уже испорчено. Теперь вид движущихся людей стал нагонять на него ещё большую тоску.

– Ишь, носится как угорелый, – ворчала голова Тома. – Посадить бы его так, не попрыгал бы.

Лоран ещё раз попыталась переменить программу.

Вид великосветского бала совершенно расстроил Брике. Красивые женщины и их роскошные туалеты раздражали её.

– Не надо... я не хочу смотреть, как живут другие, – говорила она.

Кинематограф убрали.

Радиоприёмник развлекал их несколько дольше.

Их обоих волновала музыка, в особенности плясовые мотивы, танцы.

– Боже, как я плясала этот танец! – вскричала однажды Брике, заливаясь слезами.

Пришлось перейти к иным развлечениям.

Брике капризничала, требовала ежеминутно зеркало, изобретала новые причёски, просила подводить ей глаза карандашом, белить и румянить лицо. Раздражалась бестолковостью Лоран, которая никак не могла постигнуть тайн косметики.

– Неужели вы не видите, – раздражённо говорила голова Брике, – что правый глаз подведён темнее левого? Поднимите зеркало выше.

Она просила, чтобы ей принесли модные журналы и ткани, и заставляла драпировать столик, на котором была укреплена её голова.

Она доходила до чудачества, заявив с запоздалой стыдливостью, что не может спать в одной комнате с мужчиной.

– Отгородите меня на ночь ширмой или, по крайней мере, хоть книгой.

И Лоран делала «ширму» из большой раскрытой книги, установив её на стеклянной доске у головы Брике.

Не меньше хлопот доставлял и Тома.

Однажды он потребовал вина. И профессор Керн принуждён был доставить ему удовольствие опьянения, вводя в питающие растворы небольшие дозы опьяняющих веществ.

Иногда Тома и Брике пели дуэтом. Ослабленные голосовые связки не повиновались. Это был ужасный дуэт.

– Мой бедный голос... Если бы вы могли слышать, как я пела раньше! – говорила Брике, и брови её страдальчески поднимались вверх.

Вечерами на них нападало раздумье. Необычайность существования заставляла даже эти простые натуры задумываться над вопросами жизни и смерти.

Брике верила в бессмертие. Тома был материалистом.

– Конечно, мы бессмертны, – говорила голова Брике. – Если бы душа умирала с телом, она не вернулась бы в голову.

– А где у вас душа сидела: в голове или в теле? – ехидно спросил Тома.

– Конечно, в теле была... везде была... – неуверенно отвечала голова Брике, подозревая в вопросе какой-то подвох.

– Так что же, душа вашего тела безголовая теперь ходит на том свете?

– Сами вы безголовый, – обиделась Брике.

– Я-то с головой. Только она одна у меня и есть, – не унимался Тома. – А вот душа вашей головы не осталась на том свете? По этой резиновой кишке назад на землю вернулась? Нет, – говорил он уже серьёзно, – мы, как машина. Пустил пар – опять заработала. А разбилась вдребезги – никакой пар не поможет...

И каждый погружался в свои думы...

Небо и земля

Доводы Тома не убеждали Брике. Несмотря на свой безалаберный образ жизни, она была истинной католичкой. Ведя довольно бурную жизнь, она не имела времени не только думать о загробном существовании, но даже и ходить в церковь. Однако привитая в детстве религиозность крепко держалась в ней. И теперь, казалось, наступил самый подходящий момент для того, чтобы эти семена религиозности дали всходы. Настоящая жизнь её была ужасна, но смерть – возможность второй смерти – пугала её ещё больше. По ночам её мучили кошмары загробной жизни.

Ей мерещились языки адского пламени. Она видела, как её грешное тело уже поджаривалось на огромной сковородке.

Брике в ужасе просыпалась, стуча зубами и задыхаясь. Да, она определённо ощущала удушье. Её возбуждённый мозг требовал усиленного притока кислорода, но она была лишена сердца – того живого двигателя, который так идеально регулирует поставку нужного количества крови всем органам тела. Она пыталась кричать, чтобы разбудить Джона, дежурившего в их комнате. Но Джону надоели частые вызовы, и он, чтобы спокойно поспать хоть несколько часов, вопреки требованиям профессора Керна выключал иногда у голов воздушные краны. Брике открывала рот, как рыба, извлечённая из воды, и пыталась кричать, но её крик был не громче предсмертного зеванья рыбы... А по комнате продолжали бродить чёрные тени химер, адское пламя освещало их лица. Они приближались к ней, протягивали страшные когтистые лапы. Брике закрывала глаза, но это не помогало: она продолжала видеть их. И странно: ей казалось, что сердце её замирает и холодеет от ужаса.

– Господи, Господи, неужели ты не простишь рабу твою, ты всемогущ, – беззвучно шевелились её губы, – твоя доброта безмерна. Я много грешила, но разве я виновата? Ведь ты знаешь, как всё это вышло. Я не помню своей матери, меня некому было научить добру... Я голодала. Сколько раз я просила тебя прийти мне на помощь. Не сердись, Господи, я не упрекаю тебя, – боязливо продолжала она свою немую молитву, – я хочу сказать, что не так уж виновата. И по милосердию своему ты, быть может, отправишь меня в чистилище... Только не в ад! Я умру от ужаса... Какая я глупая, ведь там не умирают! – И она вновь начинала свои наивные молитвы.

Плохо спал и Тома. Но его не преследовали кошмары ада. Его снедала тоска о земном. Всего несколько месяцев тому назад он ушёл из родной деревни, оставив там всё, что было дорого его сердцу, захватив с собою в дорогу только небольшой мешок с лепёшками и свои мечты – собрать в городе деньги на покупку клочка земли. И тогда он женится на краснощёкой, здоровой Мари... О, тогда отец её не будет противиться их браку.

И вот всё рухнуло... На белой стене своей неожиданной тюрьмы он увидел ферму и увидел весёлую, здоровую женщину, так похожую на Мари, доившую корову. Но вместо него, Тома, какой-то другой мужчина провёл через двор, мимо хлопотливой курицы с цыплятами, лошадь, мерно отмахивавшуюся хвостом от мух. А он, Тома, убит, уничтожен, и голова его вздёрнута на кол, как воронье пугало. Где его сильные руки, здоровое тело? В отчаянии Тома заскрипел зубами. Потом он тихо заплакал, и слёзы капали на стеклянную подставку.

– Что это? – удивлённо спросила Лоран во время утренней уборки. – Откуда эта вода?

Хотя воздушный кран предусмотрительно уже был включён Джоном, но Тома не отвечал. Угрюмо и недружелюбно посмотрел он на Лоран, а когда она отошла к голове Брике, он тихо прохрипел ей вслед:

– Убийца! – Он уже забыл о шофёре, раздавившем его, и перенёс весь свой гнев на окружающих его людей.

– Что вы сказали, Тома? – обернулась Лоран, поворачивая к нему голову. Но губы Тома были уже вновь крепко сжаты, а глаза смотрели на неё с нескрываемым гневом.

Лоран была удивлена и хотела расспросить Джона о причине плохого настроения, но Брике уже завладела её вниманием.

– Будьте добры почесать мне нос с правой стороны. Эта беспомощность ужасна... Прыщика там нет? Но отчего же тогда так чешется? Дайте мне, пожалуйста, зеркало.

Лоран поднесла зеркало к голове Брике.

– Поверните вправо, я не вижу. Ещё... Вот так. Краснота есть. Быть может, помазать кольдкремом?

Лоран терпеливо мазала кремом.

– Вот так. Теперь прошу припудрить. Благодарю вас... Лоран, я хотела у вас спросить об одной вещи...

– Пожалуйста.

– Скажите мне, если... очень грешный человек исповедуется у священника и покается в своих грехах, может ли такой человек получить отпущение грехов и попасть в рай?

– Конечно, может, – серьёзно ответила Лоран.

– Я так боюсь адских мучений... – призналась Брике. – Прошу вас, пригласите ко мне кюре... я хочу умереть христианкой...

И голова Брике с видом умирающей мученицы закатила глаза вверх. Потом она опустила их и воскликнула:

– Какой интересный фасон вашего платья! Это последняя мода? Вы давно не приносили мне модных журналов.

Мысли Брике вернулись к земным интересам.

– Короткий подол... Красивые ноги очень выигрывают при коротких юбках. Мои ноги! Мои несчастные ноги! Вы видели их? О, когда я танцевала, эти ноги сводили мужчин с ума!

В комнату вошёл профессор Керн.

– Как дела? – весело спросил он.

– Послушайте, господин профессор, – обратилась к нему Брике, – я не могу так... вы должны придумать мне чьё-нибудь тело... Я уже просила вас об этом однажды и теперь прошу ещё. Я очень прошу вас. Я уверена, что если только вы захотите, то сможете сделать это...

«Чёрт возьми, а почему бы и нет?» – подумал профессор Керн. Хотя он присвоил себе всю честь оживления человеческой головы, отделённой от тела, но в душе сознавал, что этот удачный опыт является всецело заслугой профессора Доуэля. Но почему не пойти дальше Доуэля? Из двух погибших людей составить одного живого – это было бы грандиозно! И вся честь при удаче опыта по праву принадлежала бы одному Керну. Впрочем, кое-какими советами головы Доуэля всё же можно было бы воспользоваться. Да, над этим решительно следует подумать.

– А вам очень хочется ещё поплясать? – улыбнулся Керн и пустил в голову Брике струю сигарного дыма.

– Хочу ли я? Я буду танцевать день и ночь. Я буду махать руками, как ветряная мельница, буду порхать, как бабочка... Дайте мне тело, молодое, красивое женское тело!

– Но почему непременно женское? – игриво спросил Керн. – Если вы только захотите, я могу дать вам и мужское тело.

Брике посмотрела на него с удивлением и ужасом.

– Мужское тело? Женская голова на мужском теле! Нет, нет, это будет ужасное безобразие! Трудно даже придумать костюм...

– Но ведь вы тогда уже не будете женщиной. Вы превратитесь в мужчину. У вас отрастут усы и борода, изменится и голос. Разве вы не хотите превратиться в мужчину? Многие женщины сожалеют о том, что они не родились мужчиной.

– Это, наверное, такие женщины, на которых мужчины не обращали никакого внимания. Такие, конечно, выиграли бы от превращения в мужчину. Но я... я не нуждаюсь в этом. – И Брике гордо вздёрнула свои красивые брови.

– Ну, пусть будет по-вашему. Вы останетесь женщиной. Я постараюсь подыскать вам подходящее тело.

– О профессор, я буду бесконечно благодарна вам. Можно это сделать сегодня? Представляю, какой я произведу эффект, когда вновь вернусь в «Ша-нуар»...

– Это так скоро не делается.

Брике продолжала болтать, но Керн уже отошёл от неё и обратился к Тома:

– Как дела, приятель?

Тома не слышал разговора профессора с Брике. Занятый своими мыслями, он угрюмо посмотрел на Керна и ничего не ответил.

С тех пор как профессор Керн обещал Брике дать новое тело, её настроение круто изменилось. Адские кошмары уже не преследовали её. Она больше не думала о загробном существовании. Все её мысли были поглощены заботами о предстоящей новой земной жизни. Глядя в зеркало, она беспокоилась о том, что её лицо стало худым, а кожа приобрела желтоватый оттенок. Она измучила Лоран, заставляя завивать себе волосы, делать причёску и наводить грим на лицо.

– Профессор, неужели я останусь такая худая и жёлтая? – с беспокойством спрашивала она Керна.

– Вы станете красивей, чем были, – успокаивал он её.

– Нет, красками здесь не поможешь, это самообман, – говорила она по уходе профессора. – Мадемуазель Лоран, мы будем делать холодные обмывания и массаж. У глаз и от носа к губам у меня появились новые морщинки. Я думаю, если хорошо массировать, они уничтожатся. Одна моя подруга... Ах да, я и забыла вас спросить, нашли ли вы серого шёлку на платье? Серый цвет очень идёт мне. А модные журналы принесли? Отлично! Как жалко, что ещё нельзя делать примерки. Я не знаю, какое у меня будет тело. Хорошо, чтобы он достал повыше ростом, с узкими бёдрами... Разверните журнал.

И она углубилась в тайны красоты женских нарядов.

Лоран не забывала о голове профессора Доуэля. Она по-прежнему ухаживала за головой и по утрам занималась чтением, но на разговоры не оставалось времени, а Лоран ещё о многом хотела переговорить с Доуэлем. Она всё более переутомлялась и нервничала. Голова Брике не давала ей ни минуты покоя. Иногда Лоран прерывала чтение и принуждена была бежать на крик Брике только для того, чтобы поправить спустившийся локон или ответить, была ли Лоран в бельевом магазине.

– Но ведь вы же не знаете размеров вашего тела, – сдерживая раздражение, говорила Лоран, наскоро поправляла локон на голове Брике и спешила к голове Доуэля.

Мысль о производстве смелой операции захватила Керна.

Керн усиленно работал, подготавливаясь к этой сложной операции. Он надолго запирался с головой профессора Доуэля и беседовал с ней. Без совета Доуэля Керн при всём желании обойтись не мог. Доуэль указывал ему на целый ряд затруднений, о которых Керн не подумал и которые могли повлиять на исход опыта, советовал проделать несколько предварительных опытов на животных и руководил этими опытами. И – такова была сила интеллекта Доуэля – он сам чрезвычайно заинтересовался предстоящим опытом. Голова Доуэля как будто даже посвежела. Мысль его работала с необычайной ясностью.

Керн был доволен и недоволен столь широкой помощью Доуэля. Чем дальше подвигалась работа, тем больше убеждался Керн, что без Доуэля он с нею не справился бы. И ему оставалось

тешить своё самолюбие только тем, что осуществление этого нового опыта будет произведено им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.